

Александр Бирштейн

Наши люди

Васнецов?

Будильник пробудился раньше всех и сходу завыл нечеловеческим голосом. Следом проснулась девушка Марья, невесть каким образом попавшая в постель к Васе Васнецову. Сам Вася долгое время просыпаться категорически отказывался, мотивируя это выражениями вовсе не публичными. Наконец он разлепил глаза, глянул на девушку Марью, чего-то сильно испугался и вырубился бесповоротно.

Девушка оделась, обыскала джинсы, пиджак и куртку Васнецова, безнадежно заглянула в шкаф и ушла, прихватив с этажерки слоников, притулившихся к одинокой, но зачитанной «Анжелике».

Вася Васнецов проспал до обеда. Проспал бы и обед, но не получилось. Пришлось встать и сбегать в уборную. Далее, не утруждая себя умыванием, он полез в холодильник, но ничего там не обнаружил. Такое уже бывало, так что он не сильно огорчился, а, наоборот, сосредоточился, оглядывая жильё.

Жена от Васи сбежала давно, но поспешно, оставив довольно много вещей, годных к продаже. Вот, например, будильник. Он давно нарывался. А сегодня еще и пугал... Судьба будильника была решена, и он прогулялся вместе с Васей к блошке у Нового рынка. Оттуда Вася ушел уже один, но при деньгах, достаточных для приобретения хлеба, плавленого сырка, луковицы и бутылки вермута.

Позавтракав, Вася решил отдать что-то важному, например уборке квартиры. Но не судилось. Пришел участковый Колька

Репин. Пришел не с очередными претензиями, а с горем – умер их воспитатель по интернату для неблагополучных детей Сергеич. И не только воспитателем был Сергеич, а отцом, другом, лекарем и советчиком. Это он, кстати, давал пацанам фамилии великих художников, наивно полагая, что носитель такой фамилии уже не скурвится никогда. Мечтатель...

Эх, Сергеич...

Колька рассказал, что у Сегеича осталась невестка с двумя малолетками. А сын-мент погиб еще в прошлом году.

– Надо бы помочь семье! – постановил Колька Репин.

– Конечно! – согласился Васнецов.

Репин ушел. А Вася стал по новой обшаривать квартиру в поисках того, что можно продать. Но что-то ничего и не находилось. Нет, на бутылку бы хватило... Но тут другой случай! Сергеич, эх, Сергеич!

Ничего не оставалось как прибегнуть к последнему средству. Вася полез под кровать, достал оттуда фибровый дембельский чемоданчик, из него мыльницу, а из той небольшой сверточек. Развернул – и в ладонь к нему пала рубиновая красная звездочка с серебряным бойцом посерединке. Вася подержал звездочку на ладони, словно сомневаясь, потом решительно положил ее в карман и вышел из дома. Путь его лежал на Греческую площадь, где с утра до ночи цинковали барыги.

За орден дали пятьдесят гривен, и Вася ощутил себя богачом. Десятку он решил пропить. И не просто так, а с горя. А сороковник отдать сиротам Сергеича.

В знакомой винарке по-прежнему наливали. Вася взял два стакана смеси и конфетку и устроился в углу. В подвале было почти пусто и тихо. Поэтому вспоминалось особенно хорошо.

И то, как привезли его в детприемник, сняв с поезда.

И о том, как гнал ментам, что нет у него ни имени, ни фамилии. И адреса, разумеется, тоже.

И то, как менты, тцась узнать, кто он такой, чтоб не висел гирей, били его дубинками.

И то, как появился огромный дядька – Сергеич – и забрал его оттуда.

И то, как Сергеич все же выпросил – змей! – имя. А фамилию придумал. Как опекал и подкармливал. Как защищал и учил...

Васнецов и не заметил, как оба стакана опустели, хотя прихлебывал осторожно и бережно.

Пришлось взять еще.

– Надо же помянуть! – убедил себя Васнецов.

Да-да, помянуть стоило! В интернате таких, как он, битых-перебитых жизнью было сорок человек.

И охрана.

И надзиратели.

И Сергеич...

Вася вспомнил, как Сергеич, узнав, что Васнецов мечтает стать офицером, башку прогрыз военкому, но добился направления в танковое училище.

– Земля пухом! – прошептал Вася и поднес стакан к губам.

Но тот был пуст!

После интерната в училище было совсем легко. Он был сильным и злым. А это ценилось. И он стал офицером! А потом попал в Чечню...

Бой, ранение, горящий танк... Еще два ранения... Орден. Комиссия. Пенсия... Он вернулся домой... Домой? По крайней мере в жилье, которое дали после интерната.

Потом...

Васнецов вздохнул и тяжело поднялся. Больше вспоминать не хотелось. На остаток денег купил он в лавочке на углу флакон портвейна и пошел домой. Там он снова выпил за упокой души Сергеича, прослезился и уснул.

Все правильно: зачем отдавать последнюю рубаху, когда можно просто порвать ее на груди?

Клоун Мося

День кивнул утру на прощание и ушел туда, где наливали пиво и гулко суетились слова. Сентябрьское солнце сквозь полуоткрытые окна запускало лучи в бокалы. С моря донесся пароходный гудок, одинокий, как клоун Мося – алкоголик без стажа. У клоуна Моси образовалась десятка, и он нес ее к прилавку гордо и бережно, как октябренок флажок.

– Где взял? – завистливо спрашивали коллеги.

– В магазине купил! – скрытничал клоун Мося. Сухие соленые баранки таяли во рту, как валидол.

Когда-то Мося был Матвеем и служил в цирке. Но что-то случилось, и он устал. И перестал работать. Но еще не пил. Правда-правда!

– Пропал кураж! – говорил. Цирковые понимали. Остальные нет. Но какое ему было дело до остальных? Он стал ходить в парк над морем и глядеть на залив, окруженный берегами, как арена партером. По парку бегали домашние собаки, а к ним лонжей были пристегнуты хозяева.

Дома скопились афиши да пыль. Там оказалось совсем невозможно находиться. И он стал ходить по улицам, ища пристанище. Попалась забегаловка, куда пускали далеко не всех. Но его впустили. На двери забегаловки уже много лет висела табличка «Ремонт». А в пиво там доливали не воду, а самогон. Зато плату принимали и деньгами, и вещами. Пускали в забегаловку людей приличных, так что и вещи пропивались вполне приличные. И все были довольны.

Нельзя сказать, что Матвей, ставший как-то сразу Мосей, был душой компании. Но веселил, редко, но веселил. Он умел показывать животных и людей так, что их сразу же узнавали. Его герои были трогательны, а не смешны, но люди как раз смеялись. Так он стал еще и клоуном.

Клоун Мося – полузабытый человек.

В цирк его пускали всегда. Но он туда ходил только после мучительных двух-трех дней полного отрыва от забегаловки.

Приходил, если не было представления, садился на барьер, смотрел, как репетируют. Потом обходил конюшни... Еще он растерянно замирал, когда кто-то окликал:

– Матвей!

Потом оборачивался, и на лице была виноватая улыбка.

– Как живешь? – спрашивали знакомые.

– Все еще под куполом... – отвечал он.

Сразу за этим следовал вопрос о здоровье.

– Можно жить!

Ему пытались совать деньги, но он не брал и оправдывался:

– У своих... Нет... Нельзя...

Покинув цирк, спешил – уже спешил! – в забегаловку, принимал в руки бокал пива и успокаивался.

– Без куража тоже можно жить! – говорил.

Но его никто не понимал.

Митя Водкин

У него растерянный взгляд и лицо в красных прожилках.

– Митя, как твоя фамилия? – спрашивают любители.

– Водкин! – с готовностью отвечает он.

На самом деле водку Митя не пьет. Объясняет коротко:

– Невкусно!

А пьет Митя желтое нестерпимое вино «Фрага». Дорогое – рубль с большими копейками.

Примерно в эту сумму Митя вроде бы оценивает свою жизнь.

– Митя! А с моста прыгнешь?

– За сколько? – настораживается он.

– За рубль!

– Нет, за рубль не прыгну.

– А за два?

За два рубля Митя прыгать готов. Но требует деньги вперед. Кто-то выдает ему два мятых рубля.

Люди, как полагается, суетятся.

– Ты с ума прыгнул сначала, что ли?

Митя непреклонен. Раз взял деньги, надо исполнять.

Толпа перемещается к мосту. Мост уже стар. Он построен купцом Новиковым аж в середине XIX века. И пересекает бывшую когда-то балку. Когда-то у балки были склоны. Теперь склон есть только с одной стороны. А с другой склон срезали и построили гаражи.

Но туда, где склона нет, Митя не идет. А направляется, наоборот, туда, где склон. С внешней стороны моста идет уступчик шириной сантиметров пятнадцать. Вот на него Митя и всходит.

Все приготовились затаить дыхание.

Но Митя, как говорят, дурной, но умный. Пройдя по уступчику шага три, он прыгает. Высота с метр, не больше. Но с моста же!

– Не пойдет! – возмущается потративший деньги.

– Почему? – недоумевает Митя. – Я же прыгнул! С моста...
Все верно. Не попишешь. Но обидно. Заплативший пытается поскандалить, но натывается на вопрос от людей:
– Ты хочешь, чтоб он убился?
Кто в таком признается?
А Митя собирается в гастроном.
– Там еще и на закуску хватит! – подначивают его.
– На закуску? – удивляется Митя. – Зачем? Я завтракал...
Теперь он возьмет заветную бутылку, заныкается куда-то на чердак или на задворки и станет блаженствовать. Аж до вечера. А потом неохотно поплетется домой.
Говорят, есть у него жена и какие-то дети...
Он так и говорит:
– Какие-то дети...
Равнодушно говорит, словно не о себе.
– А жизни нет! – так он тоже говорит.
Впрочем, что такое жизнь в Митином разумении, не знает никто. Он, наверное, и сам точно не знает. Но когда совсем туго, когда копейки даже на стакан любимой «Фраги» не наскребается, Митя ругает жизнь, как выплевывает, одной фразой:
– Как в плену!

Хам Егоров

Егоров – хам! И хулиган говорящий.
– Слушай, – пристегивается он, – твоя фамилия не Гринблит, а Гринблат!
– Почему? – послушно спрашиваю я, понимая, что сейчас отхвачу.
– А потому, что ты сюда по блату попал!
Попробуй возрази! Так и есть...
После инструментального института и службы командиром взвода в рядах хоть и советской, но якобы непобедимой армии я, вернувшись в наш город, реально мог устроиться только в институт «Пищепромавтоматика» на бешеную зарплату в сто десять

рублей. Плюс бесконечное протирание штанов за проектами, которые не очень-то и были нужны.

На нашем заводе мне платили сто семьдесят пять! И работа по делу. Правда, устроиться сюда было неимоверно трудно. Но мне удалось...

Должность называется «мастер инструментального цеха».

А мой обидчик Егоров работает просто слесарем. И меньше трехсот рублей не зарабатывает. Не считая премии. Плюс постоянный объект развлечений – я!

Когда я потребовал тщательно убирать после смены свое рабочее место, Егоров обозвал меня Гринписером. А его ржущие коллеги тут же сократили это прозвище.

Представляете?

Кстати, его фамилия дает мало поводов для словотворчества. Но я в любом случае не стал бы это делать. Потому что человек должен гордиться своей фамилией. И это подло – высмеивать то, чем человек гордится.

По работе придраться к нему трудно. Все-таки шестой разряд. Да я и не собираюсь.

– Гринбой! – орет на весь цех Егоров. – Почему заготовки вовремя не подвозят? А ну живо!

– Гринболт! – вопит он. – А где гайки?

– Зачем ты молчишь? – спрашивает меня начальник цеха Игорь Иванович Упругий. – Дал бы раз...

С Игорем мы учились в одной группе и служили вместе в Афгане. Спецназ... Я был комвзвода. Игорь моим заместителем. У меня одно ранение. У него тоже. У меня две Красные Звезды. И у него две Красные Звездочки...

Вы уже догадались, что попал я на этот завод только благодаря Игорю.

На праздничные демонстрации 1 Мая и 7 ноября принято приходить всем семейством. Игорь Упругий приходит со своей Светой. А Егоров с женой Женей и дочкой Ирочкой.

А я прихожу один.

Я знаю, Егорова это раздражает.

– Гринбаб, – шипит он так, чтоб Женя не слышала, – ты явно Гринбаб!

Я и тут молчу.

– Сколько можно? – настаивает Игорь.

Если б я знал...

Не надо было мне сюда идти работать. И Егорову было бы спокойней, и мне легче. Но кто ж знал, что я его тут встречу?

Женю мы с Егоровым любили с третьего класса. Просто у него не было шансов. Он это знал... Но не отставал.

Мы с Женей хотели пожениться сразу после института, когда станем хоть немного независимы от родителей, которые с обеих сторон яростно противились этому.

Двадцать седьмого июня я защитил диплом, а второго июля уже был в рядах легендарной, потому что советской, армии.

Узнав, что нас отправят в Афган, сказал Жене, что свадьба откладывается. Она промолчала.

Через четыре месяца на меня пришла похоронка. Ошибочка вышла. Бывает... Исправили ошибку нескоро...

У Жени произошли преждевременные роды. Ирочка родилась семимесячной.

И все это время Егоров был рядом. Приносил продукты и цветы. Сдал кровь... Он стирал Ирочкины пеленки, возил ее в коляске, которую сам же и купил, гулять...

А еще через полгода меня выписали из госпиталя.

